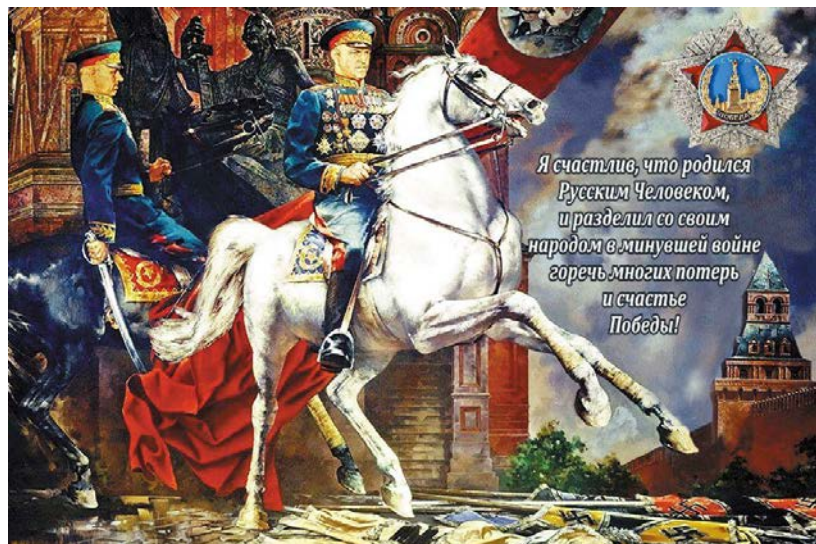

БЕЗНОГИЙ СЕРЖАНТ И МАРШАЛ ЖУКОВ.

Реальная история, случившаяся на Украине

Маршал Георгий Жуков: «Я счастлив, что родился Русским человеком, и разделил со своим народом в минувшей войне горечь многих потерь и счастье Победы!»

Источник: <https://www.kp.ru/daily/25790/2772631/> Рис.: <https://atributia.ru/goods/flag-zhukov-na-belom-kone>

После войны семья наша почти два года кочевала по разорённой войне Украине, так как воинская часть отца восстанавливала разрушенные немцами аэродромы. На одном из полустанков отец, выскочивший с чайником за кипятком, вдруг вернулся, неся вместе с товарищем безногого солдата. За ними внесли солдатский рюкзак и старенький баян. Ноги у солдата были отняты по самый пах. А сам он был молод, красив и, что называется, в "стельку" пьян.

На удивлённые вопросы мамы и бабушки отец отвечал

кратко и потрясённо: "Он пел!" Молодого инвалида старательно обтёрли мокрым полотенцем и уложили на топчан теплушки.

Тем временем офицеры, желая установить личность солдата, проверили его рюкзак и были полностью сражены: безногий солдат был награждён пятью боевыми орденами, а отдельно, в красной коробочке, лежал Орден Ленина. И был инвалид сержантом Авдеевым Николаем Павловичем от роду двадцати пяти лет. Офицеры, прошедшие войну, многие, как мой отец, ещё и финскую, знали цену таким наградам.

Среди орденов лежало письмо. Видно было, что его неоднократно комкали, а потом расправляли. Письмо было подписано: "любящая тебя Шурочка". "Любящая Шурочка" писала, что будь у Николая хоть одна нога - она бы за ним в госпиталь приехала. А уж совсем ползуна она, молодая и красивая, взять не может. Так и писала Шурочка - "ползуна!" В вагоне повисла угрюмая тишина. Мама всхлипнула, бабушка убеждённо сказала: "Бог её накажет!" - и ещё раз бережно обтёрла лицо спящего.

Спал безногий солдат долго, а проснувшись, казалось, совсем не удивился, что едет неизвестно куда и неизвестно с кем. Так же легко согласился он остаться пока в нашей части, сказав при этом: "Там видно будет". Охотно откликнулся Николай и на просьбу спеть, с которой на удивление робко обратился мой отец, вообще-то человек не робкого десятка. Он впоследствии как-то, казалось нам тогда, робел перед Авдеевым. Это было преклонением перед уникальным талантом.

Авдеев запел. Бархатный бас поплыл по вагону и словно заполнил собой окружающее пространство. Не стало слышно грохота колёс, за окном исчез мелькающий пейзаж. Сейчас иногда говорят - "попал в другое измерение". Нечто подобное произошло тогда с пассажирами вагона-

теплушки. Я до сих пор думаю, что мне довелось в детстве слышать певца, обладающего не только уникальным голосом, но и ещё богатой, широкой душой, что и отличает великих певцов от бездарностей. Однажды я спросила бабушку: "Почему, когда дядя Коля поёт, облака то останавливаются, то бегут всё быстрее?"

Бабушка задумалась, а потом ответила мне, как взрослой: "А ведь и правда! Это у нас душа от его голоса то замирает, то к Богу устремляется. Талант у Коленьки такой особый".

А вскоре произошло то, что заставило окружающих посмотреть на певческий талант Авдеева с ещё большим изумлением.

Через дорогу от школы, где жили офицерские семьи, в небольшом домике жила пожилая еврейка - тётя Пейся со своей очень красивой дочерью Розой. Эта ещё совсем молодая женщина была совершенно седой и немой. Это произошло с ней, когда в одном из маленьких местечек Белоруссии немцы уничтожали евреев. Чудом спасённая русскими соседями, лёжа в подвале со ртом, завязанным полотенцем, чтобы не кричала, Роза слышала, как зовут её из рядом горящего дома её дети - близнецы.

Несчастливая мать выжила, но онемела и поседела.

В один из летних вечеров, когда Роза с лотком маковых ирисок зашла к нам во двор, на своей тележке на крыльцо выкатился дядя Коля. Надо сказать, что к этому времени он был уже официально оформлен комендантом офицерского общежития и получал зарплату, по существу был членом нашей семьи. Женщины поставили перед ним тазик с вишней, мы, дети, облепили его, и он рассказывал нам что-то очень смешное. При виде седой Розы дядя Коля вдруг замолчал и как-то особенно внимательно стал вглядываться в её лицо. Потом он запел. Запел, даже не попросив, как обычно, принести ему баян. Помню, что пел он какую-то незнакомую песню о несчастной уточке - лебёдушке, у которой злые охотники, потехи ради, убили её утят-лебедят. Могучий бас Авдеева то жалобно лился, то скорбно и гневно рокотал. Подняв глаза, я увидела, что все окна большого дома были открыты и в них молча застыли люди. И вот Роза как-то страшно замычала, потом упала на колени, подняла руки к небу, и из губ её вырвался молодой, звонкий и безумный от горя голос. На еврейском языке взывала к Богу несчастная мать. Несколько женщин, бросившихся к ней, застыли по знаку руки певца. А он всё пел, а Роза кричала всё тише и тише, пока с плачем не упала на траву. Её спешно подняли, внесли в дом, и около неё хлопотал наш полковой врач.

А мы, рано повзрослевшие дети войны, как суслики, столбиками, остались сидеть молча в тёплой темноте южной ночи. Мы понимали, что

Фото: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/13143/185903>

стали свидетелями чуда, которое запомним на всю жизнь. Утром пришла тётя Пейся и, встав перед дядей Колей на колени, поцеловала ему руку. И снова все плакали. Впрочем, в моём детстве плакали часто даже мужчины. "Почему взрослые плачут? - спросила я маму. "Это слёзы войны, - ответила мне она, - в войну-то нам плакать было некогда, да и нельзя. Надо было выстоять, чтобы детей спасти. А теперь вот слёзы и отливаются. Твоё поколение уже не будет плакать. Только радоваться".

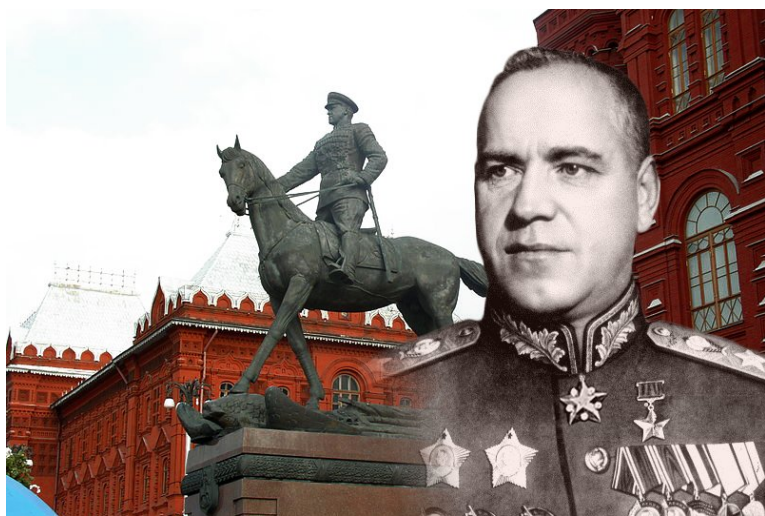
Надо сказать, что я с горечью вспоминаю эти мамины слова. Радуюсь редко.

Шёл 1948 год. И вот стало происходить что-то странное, непонятное нам, детям. С улиц города стали исчезать инвалиды, которых до этого было так много. Постукивали палочками слепые, но безрукие и безногие, особенно такие, как дядя Коля, практически исчезли. Взрослые испуганно и возмущённо шептались о том, что людей забирают ночами и куда-то увозят. В один из вечеров я услышала, как родители тихо говорили, что дядю Колю придётся спрятать, отправить к родным мамы, на дальний казачий хутор.

...Но здесь произошло событие, которое предопределило дальнейшую судьбу Николая Авдеева и стало таким ярким эпизодом в моей жизни. В 1948 году страна-победительница торжественно праздновала 800-летие Москвы. Повсюду висели флаги и транспаранты, проходили праздничные мероприятия. Одним из таких мероприятий должен был стать концерт в Доме офицеров. Случилось так, что

поездом на какую-то инспекционную поездку в городе на целый день остановился маршал Георгий Константинович Жуков. Взрослые называли его коротко и уважительно "сам Маршал". Именно так это и звучало - с большой буквы. Отец пояснил мне, что я видела его в кино, когда, как и все, неоднократно смотрела Парад Победы. "Ну, на коне! Помнишь?" - говорил отец. Честно говоря, коня я помнила очень хорошо, удивляясь

каждый раз, почему у него перебинтованы ноги. Маршала же я практически не разглядела. И вот офицерам объявили, что на концерте сводной самодеятельности воинских частей будет присутствовать Жуков. Каждый вечер шли репетиции, и на одной из них было решено, что цветы маршалу буду вручать я. Не могу сказать, что меня, в отличие от моей семьи, это обрадовало. Скорее, наоборот. Мне вообще очень не хотелось идти на концерт, ведь я всё это видела и слышала неоднократно. Теперь я уже никогда не узнаю, почему выбор пал на меня. Скорее, из-за совершеннокукольной внешности, которая, кстати, полностью не совпадала с моим мальчишеским характером. Два дня у нас в коммуналке

Памятник маршалу Победы Георгию Жукову
на въезде на Красную площадь в Москве.

Фото: <https://proza.ru/2021/05/10/22>

строчил старый "Зингер".

Мне спешно шили пышное платье из списанного парашюта. Шила мама. А бабушка, наспех нас накормив, вдруг стала днём, стоя на коленях, молиться перед иконой Святого Георгия Победоносца. Эта удивительно красивая икона была единственной сохранившейся из её большого

Маршал Георгий Жуков.

https://www.artwall.ru/products/poster_49951?size=43&material=canvas&subframe=thin&frame=31

иконостаса. В старом казачьем офицерском роду была она семейной. Много поколений молились перед ней, да и всех мальчиков у нас называли Георгием и Виктором. Я была удивлена, услышав, что бабушка непрестанно молится за дядю Колю.

В торжественный день из меня изобразили нечто вроде кукольной Мальвины, вручили сноп мокрых гладиолусов и раз десять заставили повторить приветствие высокому гостю. В результате, когда подъехали три машины, и из первой вышел коренастый человек с суровым, как мне показалось, лицом и звёздами Героя на кителе, я всё начисто забыла. И буквально на одном дыхании выпалила: "Товарищ Жуков! Мы все вас поздравляем! Пожалуйста, живите долго со своим красивым конём!" Вокруграздался гомерический хохот. Но громче всех, буквально до слёз, смеялся

сам маршал. Кто-то из его сопровождения поспешно взял у меня огромный букет, и Жуков, продолжая смеяться, сказал: "Ну вот теперь я тебя вижу. Пойдём со мной!" И подав мне, как взрослой, руку повёл меня по лестнице, в ложу. В ложе стояли стулья и большое бархатное кресло для высокого гостя. Но он, смеясь, сказал: "Кресло для маленькой дамы!" - и, посадив меня в кресло, пододвинул свой стул ближе к перилам ложи. В ужасе и отчаянии от своего провала и позора я сжалась в комочек. "Как тебя зовут?" - спросил Жуков. "Людмила", - прошептала я. "Люсенька, значит!" - Жуков погладил меня по моим очень длинным волосам. Концерт начался. На сцене танцевали гопак, пели все известные фронтовые песни, снова танцевали. Мне же хотелось одного: сбежать и забиться куда-нибудь в тёмный уголок. На маршала я боялась даже поднять глаза.

Но вдруг я просто подскочила от удивления. На сцене, вместо конферансье, появился мой отец. Напряжённым, каким-то чужим голосом отец объявил: "А сейчас перед вами выступит кавалер орденов (шло их перечисление) и кавалер ордена Ленина, танкист, сержант Николай Авдеев!" Дядю Колю давно уже знали и любили. Зал затих. Детским своим умом я не поняла сути происходящего. Но зрители в зале поняли сразу, что безногий человек на сцене был вызовом власти. Вызовом её безжалостному лицемерию по отношению к людям, которые, защищая Родину, защитили и эту самую власть. Власть, которая сейчас так жестоко и бессовестно избавлялась от покалеченных войной. Я всё это поняла, повзрослев. А тогда два офицера вынесли на сцену Авдеева, сидящего в

таким же бархатном кресле с баяном в руках. И вот полилась песня: "Уж, ты ноченька, ночка тёмная..." Голос не пел. Он сначала тихо плакал, а потом громко зарыдал от одиночества и тоски. Зал замер. Вряд ли в нём был тогда человек, который не потерял в войну своих близких. Но зрители не успели зааплодировать, потому что певец сразу заговорил: "Товарищи! В старинных битвах отстояли Отечество наше и свою столицу - Москву! Но и за сто лет до нас прадеды наши погибали за Москву и Россию! Помянем же их!" И Авдеев запел: "Шумел, горел пожар московский..." Показалось, это перед всеми совершенно зримо пошли в своих сверкающих киверах победители 1812 года. В едином порыве зал стал дружно и слаженно отхлопывать рефрен песни. В ложе стали раздаваться восхищённые голоса. Я, наконец осмелев, посмотрела на Жукова. Он, сжав руками барьер ложи, откинулся на спинку стула. Явное удивление и восхищение читалось на его лице. Но вдруг баян замолчал. Руки певца бессильно упали на него, Авдеев повернул голову в сторону маршальской ложи, и серебряная труба его голоса в полной тишине пропела: "Судьба играет человеком, она изменчива всегда..." Зал буквально взорвался от восторга. На сцене выросла гора цветов. Жуков слегка повернул голову и властно сказал кому-то позади себя: "Узнай, распорядись!" Здесь я наконец-то пришла в себя и, тронув Жукова за колено, сказала: "А я всё про дядю Колю знаю!" "Тогда расскажи", - ответил он мне и наклонился ближе. Но раздались звуки рояля, и снова, но уже торжественно и скорбно, заполнил зал фантастический голос: "Ты взойди моя заря, заря моя последняя..." В порыве чувств люди в зале

Фото: <https://cdn.culture.ru/images/368da333-4fd7-5234-b0eb-11b9987d25f5>

стали вставать, многие плакали. Я вновь посмотрела на Жукова. Он сидел так же, откинувшись на спинку стула, с вытянутыми на барьер ложи руками. Но глаза у него были закрыты, и лицо побледнело и стало печальным и усталым. Скорбно и моляще прогудел бас Авдеева: "Ты укрепи меня, Господь!" И в этот момент в неподалёку стоящей церкви ударили колокола. Зал бушевал. Жуков открыл глаза и, произнеся: "Фантастика!", снова наклонился ко мне и, как мне показалось, строго спросил: "Так что же ты знаешь про дядю Колю?" Я заторопилась: "Его мой папа на станции нашёл. Он у нас теперь комендантом работает, и в семье, как родной. Он, знаете, какой добрый и всё-всё умеет!" Лицо маршала оставалось таким же печальным и усталым. "Детка, как ты думаешь, что для этого человека можно сейчас сделать?" - спросил он у меня как у взрослой. Я на секунду задумалась: "Баян ему доктор подарил, а он совсем старенький. Новый бы надо купить! Да уж это когда разживёмся", - заговорила я бабушкиными словами. "А главное - дяде Коле жильё какое-нибудь надо. Мы-то в целой каптёрке живём, а он в чуланчике возле котельной ютится!" Жуков слушал меня молча и не улыбаясь. И вдруг спросил:

"А тебе самой что хочется?" И здесь я поняла, что нужно вовсе пользоваться случаем. "Мне ничего не надо. Я вообще счастливая. У меня папа с войны вернулся. А вот Ниночке, подружке моей, нужен специальный детский дом, потому что она немая. У неё немцы язык отрезали и свастику на ручке выжгли. Это чтобы её родители-подпольщики заговорили. Но они всё равно никого не выдали, и их расстреляли". Я не увидела лица маршала. Он вдруг поднял меня на руки и крепко обнял. На какое-то время я услышала, как под кителем со звёздами Героя ровно и сильно бьётся сердце Жукова. Потом он опустил

https://voenhrionika.ru/publ/vtoraja_mirovaja_vojna_rossii_khronika/beznogij_serzhant_i_marshal_zhukov_realnaja_istorija_sluchivshajasja_na_ukraine_2020/22-1-0-7138

меня на пол и бросил: "Пошли!" Дядя Коля сидел внизу на диванчике, смотрел, как мы спускаемся к нему, и лицо его показалось мне таким же усталым и печальным. Потом маршал подошёл к Авдееву и сел рядом. Некоторое время они сидели молча. Но вот Жуков заговорил. О чём говорили они - безногий сержант и маршал со звёздами Героя - Николай не рассказывал, но бабушка говорила, что всю следующую ночь он не спал.

Домой ехали мы с дядей Колей. В руках у меня были два огромных пакета с конфетами, а рядом на сиденье лежали два роскошных набора рижских духов. На следующее утро Николая Авдеева увезли в штаб, где ему торжественно вручили сияющий малиновым перламутром аккордеон, а главное - конверт с орденом на комнату в большом и красивом доме. Комната оказалась тоже очень большой и красивой, с большим окном и паркетными полами.

Николай Авдеев окончил музыкальное училище и до конца жизни работал заведующим Дома культуры. А умер он рано, когда ему исполнилось 47 лет. У него было два сына-близнеца, которые стали впоследствии хорошими врачами. Дивный голос своего отца они не унаследовали. Он ушёл с ним.

За Ниночкой приехали из Киева и увезли её в хороший интернат, где, говорили, она была всеобщей любимицей. Но умерла Ниночка, не дожив до двадцати лет. Не знаю, то ли сердце её было сломлено пережитым ужасом, то ли, как говорила бабушка, родители-мученики ждали и звали её.

Отца же моего почему-то направили на курсы политработников в Смоленске. Служил он потом в войсковых училищах, и помню, что всегда заботился особенно о курсантах-сиротах. Многие из них, став сейчас седыми отставниками, вспоминают о нём с любовью и уважением...

Кристина Лея. «Маршал Жуков». Рассказ Толкишевской Л.В.

Источник: <https://proza.ru/2015/06/01/1787>

Ещё больше интересных статей см. на сайте Небесный-Дом.рф